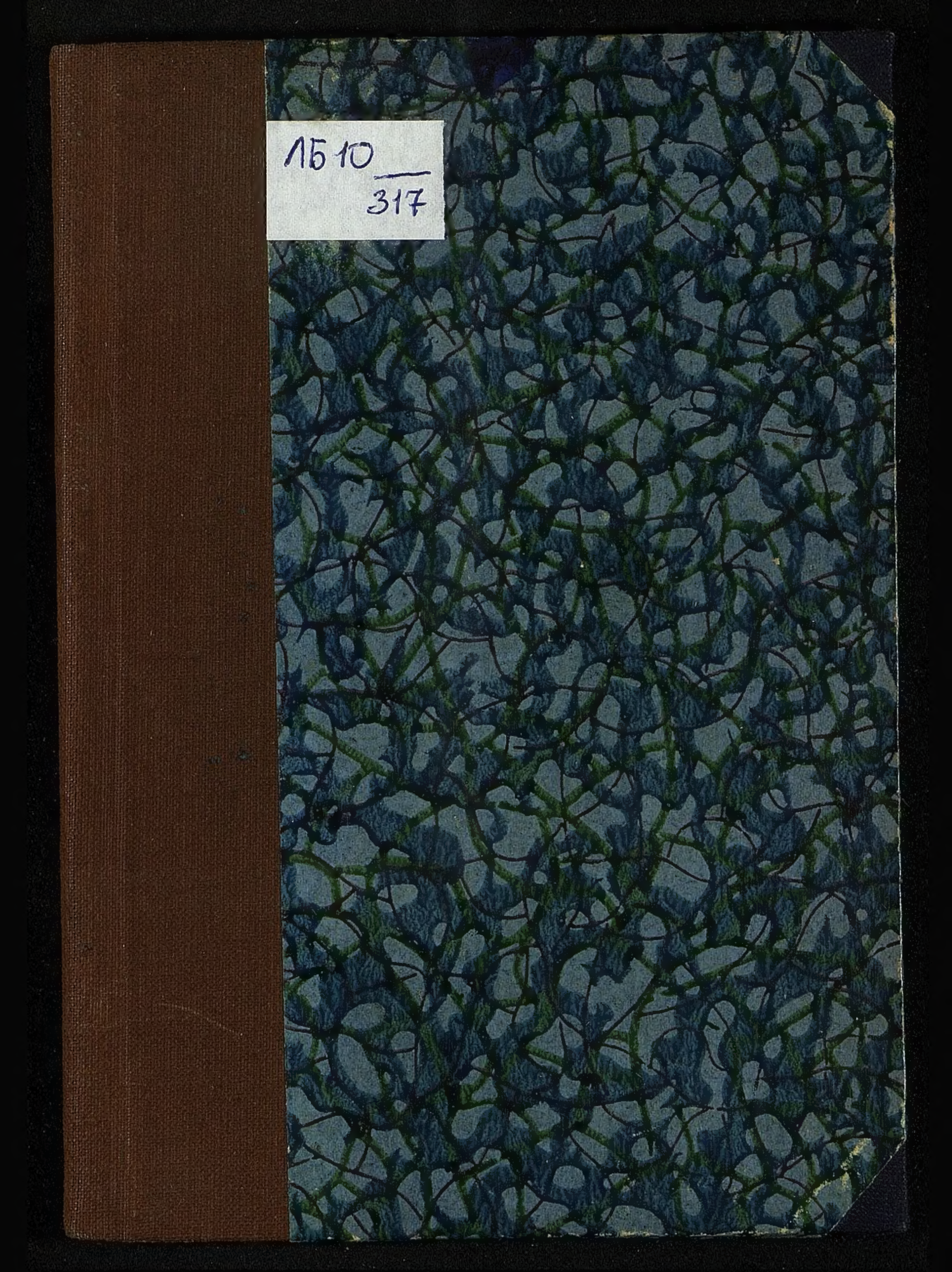
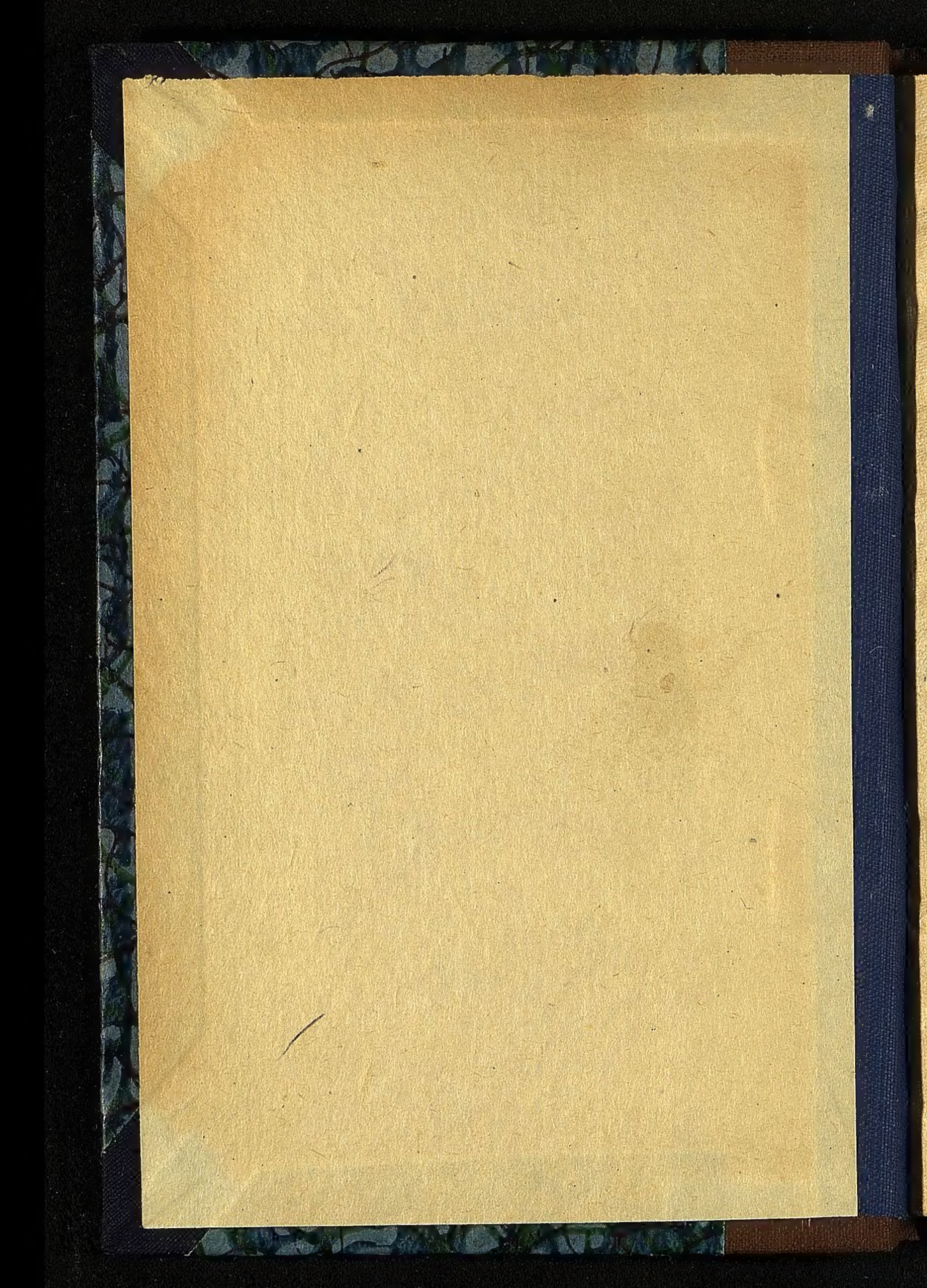
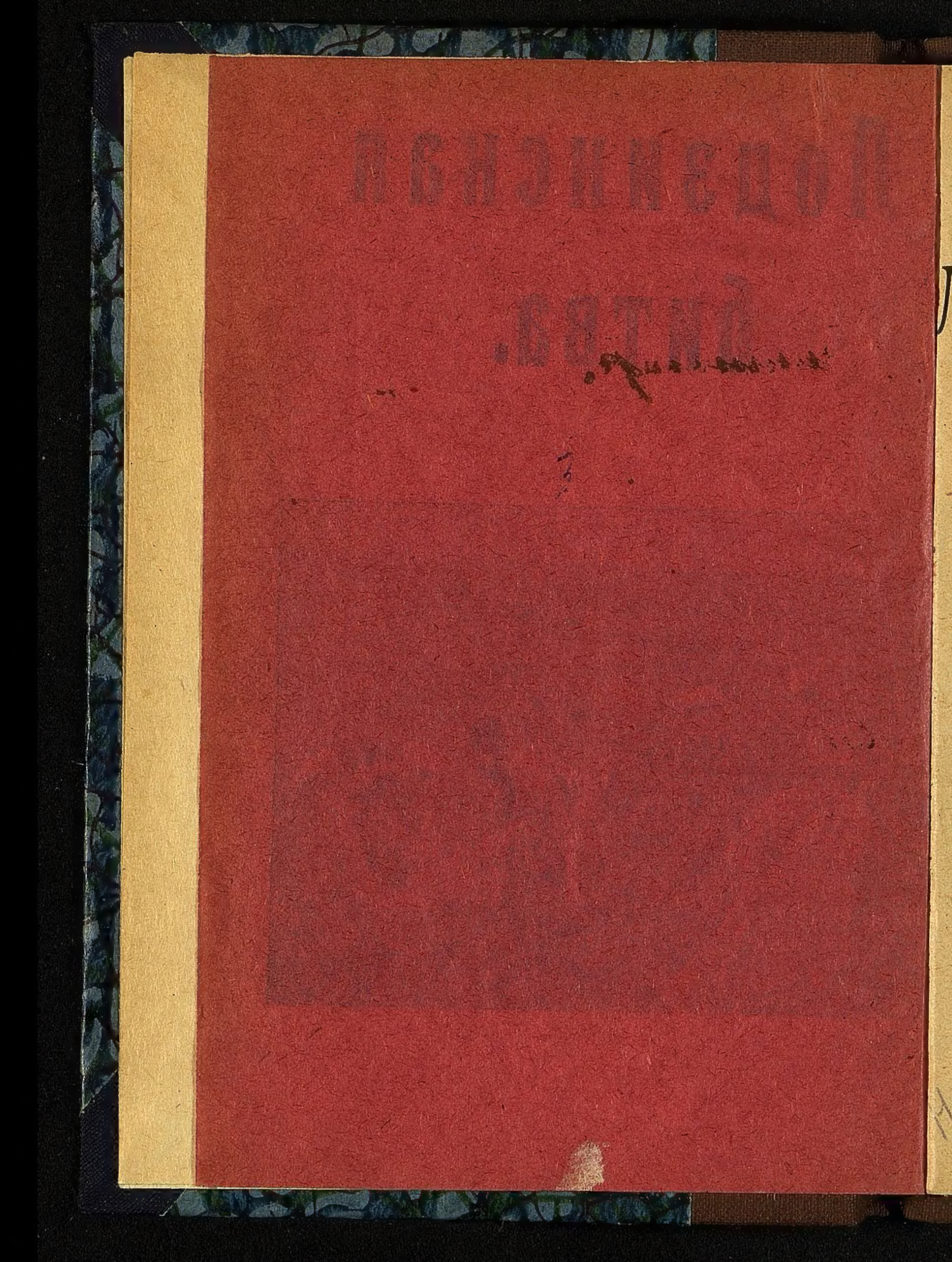

Лодзинская битва.

ЛОДЗИНСКАЯ БИТВА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, с. д.
МОСКВА. — 1915.

Лодзинская битва.

Современная война, развертывающая арміи противниковъ на громадныя разстоянія, требуетъ отъ сражающихся совершенно исключительной гибкости. Важна не та или другая мѣстность, а живая сила, то-есть войско, которое часто свертывается, какъ стальная пружина, чтобы, выпрямившись, больнѣе ударить непріятеля.

Роковые удары, которые мы нанесли германцамъ, всѣ намѣчались послѣ многодневныхъ маневровъ съ обѣихъ сторонъ. Надо отмѣтить, что нашу доблестную армію особенно воодушевляла та святая вѣра русскаго народа въ своихъ богатырей, истинныхъ богоносцевъ права и правды, которая отмѣчаетъ эту освободительную войну. Нельзя было и думать, чтобы такой сильный, избалованный малодушнымъ трепетомъ цѣлаго

міра противникъ, какъ Германія, быстро призналъ себя побѣжденнымъ. Именно теперь, когда величайшая изъ трагедій всемірной исторіи раскрываетъ свои самыя кровавыя страницы, надо было ждать отъ непріятеля отчаянныхъ судорогъ вызванной имъ борьбы.

И дѣйствительно, мы видимъ, какъ Вильгельмъ, послѣ безпримѣрнаго разгрома его лучшихъ ратей отъ Ивангорода до Кѣлецъ, сейчасъ опять бросаетъ одну изъ своихъ рѣшительныхъ картъ. Такъ торжественно объявленный имъ захватъ Варшавы и Вислы рухнулъ, благодаря нашимъ сѣрымъ витязямъ и ихъ вождямъ. Надо отдать кайзеру справедливость. Отброшенный отъ одной двери, теперь онъ стучится въ другую. Самолюбіе всемірнаго Каина не удовлетворено морями пролитой имъ родной крови.

Во вторникъ, 29 октября, отъ Нешавы на Ковель двинулась новая нѣмецкая армія, собранная у Торна.

Германіи теперь приходится перебрасываться арміями, какъ мячиками. За все время войны они не знали отдыха. Новыхъ солдатъ неоткуда взять.

Приходится, благодаря изумительному развитію желѣзнодорожной сѣти и тысячамъ автомобилей, вести эту войну на всѣхъ фронтахъ одними и тѣми же корпусами. Для поддержки духа своихъ дружинъ Вильгельмъ дѣлаетъ все: отъ его писемъ, находимыхъ въ ранцахъ у солдатъ,—писемъ, исполненныхъ самой невѣроятной лжи на Россію,—до спирта, которымъ поддерживается бодрость этой замотанной арміи. Солдатъ въ бою брали пьяными. «Претъ спьяна»,—говорятъ наши трезвые герои цѣлаго ряда побѣдъ.

Нѣмцы 30 октября прошли отъ Нешавы къ Ковелю, 1 ноября показались у Гостынина и Кросневице, 2—вступили здѣсь въ бой. Мы двинулись на Лодзь, подобравъ нашихъ раненыхъ и доставивъ ихъ въ лазареты. Въ поляхъ стояла тишина. Все точно припало къ землѣ передъ новымъ валомъ германскаго наводненія. Ему было суждено опять разбиться у Лодзи о наши плотины. Сначала германская армія, задѣвъ лѣвымъ крыломъ Бѣлявы и Піонтекъ, развернулась 3 ноября на Ленчицу, Унеіовъ, Поддембице; 4—заняла Озорковъ и бы-

стро выкинула авангардъ къ Згержу. Черезъ два дня послѣ этого нѣмцы уже ясно обнаружили намѣреніе заключить Лодзь, этотъ громадный промышленный городъ въ кольцо своихъ батарей и окоповъ. Сначала намѣтилось это вдали, а 5 ноября они уже отъ Шадека на Казимержъ, Александровъ, Згержъ, Стрыковъ, Брезины и Ржговъ стали подковой вокругъ обреченнаго ими города. На шестой день непріятель выдвинулся впередъ отъ Згержа и Бржезинъ и, точно легко смыкавшійся и размыкавшійся клапанъ, протянулъ отъ Ржгова къ Тушину подвижное щупальце, которое въ случаѣ успѣшнаго ихъ наступленія на Ласкъ и Пабіаницы могло бы замкнуть концы этой подковы.

Началась великая лодзинская битва. Все кругомъ—въ громѣ гаубичныхъ ударовъ, въ глухихъ, зловѣщихъ взрывахъ ихъ знаменитыхъ «чемодановъ». Кажется, земля раскрывается, выбрасывая изъ нѣдръ ихъ «черное» пламя. Тысячами рвались шрапнели; въ самой Лодзи загорались и рушились дома. Но за желтыми осыпями окоповъ, за рубчиками едва намѣченныхъ нашихъ славныхъ

батарей таилась такая неодолимая сила отпора, что нѣмцы, въ отчаяніи, сколько разъ уже за это время шли на то, чего они такъ боятся: въ штыки. Шли разстрѣливаемые нашими пѣхотинцами, сметаемые силой артиллерійскаго огня. Императоръ обѣщалъ имъ, что это — послѣдній бой, и они во что бы то ни стало торопятся завоевать своей родинѣ на этихъ облитыхъ кровью поляхъ неправедную побѣду. Но стоитъ только наступающему отчаянію обрисоваться въ туманѣ передъ нашими траншеями,— оттуда выходятъ бодрые, сильные, смѣлые витязи, и отъ ихъ «ура» бѣжитъ назадъ вздувшаяся было волна грозового удара. А въ сторонѣ казачьи лавы идутъ на вражьи батареи, охватываютъ ихъ, рубятъ прикрытія. Наши орудія въ другихъ мѣстахъ вышибаютъ пользующіяся такою славой нѣмецкія гаубицы,— и опять разбитый врагъ хоронится въ свои окопы, растаявъ на этомъ страшномъ пути... Смолкаютъ крики битвы, молчатъ стальныя пасти пушекъ, синія звѣзды шрапнелей не вскидываются въ холодномъ воздухѣ, и безмолвно коченѣютъ въ своихъ ямахъ легко, по-здѣш-

нему, одѣтые нѣмцы. Морозъ медленно, неизбѣжно, непобѣдимо доканчиваетъ работу нашего штыка, нашихъ пуль и снарядовъ. Онъ желѣзнымъ гвоздемъ прибиваетъ ихъ къ землѣ.

Все это время положеніе мѣнялось ежечасно. Каждый отрядъ самъ сообразовался съ внезапно рождавшимися новыми обстоятельствами. Въ этомъ отношеніи трудно въ военной исторіи подобрать примѣры такой изумительной подвижности. Были дни, когда вокругъ Лодзи, оглушаемой гуломъ зловѣщихъ ударовъ, войска—и наши, и противники,—располагались какой-то слойкой, обходили одни другихъ. Наступавшіе на наши отряды вдругъ поражались съ тыла русскою пѣхотой, въ свою очередь, находившей позади себя разъѣзды непріятеля. Картина этого боя не поддается описанію. Наши враги не жалѣли ничего для успѣха.

Нѣмцы больше всего боятся ночныхъ атакъ. Искусно скрывая свои движенія дымными завѣсами, чтобы русское наступленіе, безшумное, не заставало ихъ врасплохъ, жгутъ окрестныя деревни. Такъ, съ 5 на 6 ноября горѣли въ

Наша артиллерія въ походѣ.

тусклой мглѣ осеннихъ ночей Шикава, Москули, Грабувъ, Тополе, Блонье, Ягодище-Златна, Антоневъ-Стоки. Потомъ запылалъ Константиновъ. Въ промышленномъ, богатомъ Згержѣ огонь охватилъ пятнадцать домовъ на двухъ улицахъ у рынка. Въ эту ночь, на 6 ноября, нѣмцы подошли было на полторы версты къ намъ, но отъ этой колонны не осталось и слѣда. Ее всю смела наша удивительная артиллерія.

На позиціяхъ у Янова шелъ ожесточенный бой. Это за все время—центръ поединковъ нашихъ съ германцами. Само Яново стоитъ за шоссе и параллельной ему желѣзной дорогой; впереди, у села Новосельна, скрещиваются шестиконечно три дороги; направо, далеко-далеко, Брезины, гдѣ тоже дрались и въ эту, и послѣдующую ночи, пока ихъ не отбила быстро подступившая армія. Нѣмцы за Новосельнымъ и кругомъ Янова развивали наибольшую силу наступленія. Надо отдать имъ справедливость: шли, какъ обрекшіе себя на мученическую смерть. Цѣлыя колонны ихъ сносила наша артиллерія. Падали отъ ударовъ, какъ спѣлые колосья подъ

косою, но ихъ мѣсто сейчасъ же занимали новыя.

Они стучались во всѣ двери кругомъ, но свою ударную силу наиболѣе сосредоточили на Яновѣ—съ этой, и на Константиновѣ — съ другой стороны... И одушевленіе ихъ было выше всякой похвалы. Солдаты говорили о нихъ: «Молодцы! Только на свое горе съ нами связались. Хорошъ песъ,—только не по зубамъ кость хапнулъ!». Шли на наши траншеи, щеголяя презрѣніемъ къ смерти, во весь ростъ. Ихъ допускали на близкое разстояніе. Съ четырехсотъ шаговъ разстрѣливали, а потомъ наши выходили изъ окоповъ и на «ура» били ихъ штыками. Такихъ еще ни въ одну встрѣчу нѣмцы не выдерживаютъ. Передъ русскими позиціями всѣ эти поля—кладбища великой разбитой нами арміи. Передъ нашими пулематами—груды ихъ тѣлъ. Если бы не морозъ, теперь вся эта даль была бы зачумленной. Ихъ артиллерія еще никогда не работала такъ ожесточенно. Мы были окутаны черными дымами ихъ бризантныхъ снарядовъ. Дымки ихъ шрапнелей сливались въ тучи. Ночью безчисленными

звѣздами онѣ взрывались надъ нами. Въ гулѣ, ревѣ и трескѣ, въ мѣрной дроби пулеметовъ, въ отдаленныхъ ударахъ нашихъ разрывовъ, какъ пламя сквозь пожарище, прорѣзывалось наше «ура», и въ царство ужаса и смерти шли на смѣну павшимъ богатырямъ новые ряды нашихъ витязей спокойно, просто.

За Новосельнымъ славные полки отбивали не одну попытку прорваться сквозь ихъ желѣзную стѣну. Ослабѣй они и поддайся,—сегодня же нѣмцы хлынули бы въ спокойную за спиною этихъ защатниковъ Лодзь.

Вотъ на заревѣ горящихъ деревень развертывается смѣлая казачья лава, какъ бичъ, взвивающійся для страшнаго удара; мелькаетъ черные на желтомъ, всадники. Навстрѣчу имъ несутся и вспыхиваютъ звѣздами шрапнели, точно заслоняя имъ дорогу, вскидываются багровые, во внезапныхъ тучахъ разрывы «чемодановъ». Вотъ стрѣлковая цѣпь выдѣлилась и снова слилась съ мракомъ этой коченѣющей ночи... Позади, точно мгновенные огни, выстрѣлы нашихъ батарей. Впереди кое-гдѣ огонь

непріятеля слабѣетъ,—наши отыскали ихъ орудія и разнесли. Зато съ другой стороны огонь нѣмецкихъ батарей разгорѣлся такъ, что отдѣльные удары ихъ сливаются въ перекаты сплошного грома. Онѣ засыпаютъ бризантными снарядами окопы одного изъ полковъ налѣво. Ливень «чемодановъ». Сплошная туча дыма. Густыми колоннами надвигаются туда нѣмцы. Уже побѣдный гулъ ихъ голосовъ заглушаетъ ревъ орудій, но наши смѣло кидаются въ контръ-атаку. Двѣ грозныя тучи встрѣтились. Нѣсколько минутъ безпощаднаго штыкового боя. Вдохновенное, смѣлое, прямо въ лицо врагу «ура»,—и разнесенный врагъ бѣжитъ назадъ, расползается по понизямъ, торопится въ свои окопы, оставляя, точно слѣдъ, сотни труповъ и раненыхъ...

Въ эту же ночь германскіе корпуса по другую сторону Лодзи пробовали постучаться къ намъ черезъ Константиновъ. Славные полки разметали ихъ такъ, что скоро и тамъ, и здѣсь, у Янова, наступила тишина.

Самые трагическіе дни были 8 и 9 ноября. Тутъ ужъ германцы истощали

свои послѣднія усилія. Для удара превосходными силами перебрасывали корпуса и дивизіи. Врагъ понималъ, что наступилъ часъ побѣдить или проиграть первую половину войны. Они прорывались сомкнутыми желѣзными колоннами къ Лодзи, но и здѣсь наша артиллерія дѣлала, казалось бы, невозможное. Точно смерчемъ смывало ихъ прочь. Въ густыя массы врага сотнями врывались, отбрасывая ихъ въ царство смерти, наши снаряды. Повинуясь общему приказанію, наши орудія обертывались въ ту или другую сторону, и ихъ истребительнаго огня долго не позабудутъ германцы. Положеніе армій мѣнялось ежечасно. Передать общую картину ихъ нельзя было бы и съ птичьяго полета. Мы и нѣмцы то и дѣло прослаивались, потому что сражающіеся пользовались каждымъ интерваломъ для прорыва. Надо было одновременно драться и съ фронта, и въ тылу, и съ фланговъ. Оказывались положенія, гдѣ не было ни тыла, ни фланговъ, а кругомъ одинъ боевой фронтъ. Въ это время внезапно отыскивались и, казалось, въ безумномъ порывѣ нежданнаго вдохновенія броса-

лись въ бой считавшіяся потерянными части. Въ подошедшихъ къ намъ нашихъ арміяхъ тоже шелъ непрекращающійся бой. Нѣмцы направили сюда нѣсколько свѣжихъ дивизій отъ Ченстохова, но ихъ разнесла у Ласка въ дребезги армія нашего юго-западнаго фронта. Цѣлые корпуса бросили изъ Александрова и Константинова, но и они должны были отхлынуть назадъ, на свои первоначальныя позиціи. Брезины переходили изъ рукъ въ руки. Кавалерійскіе отряды, спѣшиваясь, работали, какъ пѣхота. Вихремъ неслись на наступающіе полки врага, перескакивали въ стремительномъ налетѣ черезъ ихъ траншеи, прорывались въ тылъ, отхватывали ихъ парки и обозы.

Плѣнный нѣмецкій офицеръ генеральнаго штаба характеризуетъ русскую артиллерію: «Она производила впечатлѣніе, точно на каждаго нашего солдата у васъ было по два орудія. Казалось, вы можете попадать въ отдѣльнаго человѣка. Ваша крупная артиллерія разметывала наши резервы, отбрасывала ихъ назадъ, а полевыя батареи уничтожали колонну за колонной, дѣйствующія

части наступленія... Добьемся мы, наконецъ, возможности придвинуть наши резервы,—не успѣютъ они вступить въ боевую линію, какъ ваши тяжелыя батареи передаютъ ихъ полевымъ»...

Не было убѣжища и въ лѣсахъ. Надо ихъ видѣть сейчасъ. Наши шрапнели и снаряды обили ихъ вѣтви, и они стоятъ голые... Въ лунномъ свѣтѣ, внизу, мерещатся сотни и тысячи синихъ, призрачныхъ лицъ. Это—сплошное царство смерти.

9 ноября—не день, а адъ... Именно въ эти страшные часы послѣдней, роковой схватки нѣмцы были сломлены, и все потомъ, 10 и 11, являлось только отголоскомъ этого ужасающаго сраженія, рѣшившаго судьбу всѣхъ восьми нѣмецкихъ корпусовъ. Потомъ они, уже не думали о побѣдѣ. Надо во что бы то ни стало спастись самимъ. Говорятъ, они потеряли, съ 6 по 11, двѣ трети своихъ солдатъ. Дрались отчаянно подъ Згержемъ и Брезинами, подъ Александровомъ и Константиновомъ (ихъ великолѣпный 17-й корпусъ, разбитый нами), чтобы прикрыть отступленіе своихъ обратно на Торнъ или Калишъ. По слу-

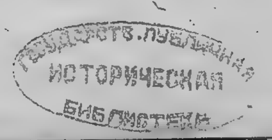

Наша замаскированная артиллерія на позиціи.

хамъ, принцы Іоахимъ и Оскаръ спаслись на аэропланахъ. Насколько это вѣрно,— неизвѣстно.

Въ эти дни одна наша дивизія на восточномъ фронтѣ выдержала напоръ двухъ германскихъ корпусовъ и отбросила ихъ назадъ. Дрогни эта часть подъ казавшимися неодолимыми ударами нѣмцевъ,—судьба боя была бы иною. А, вѣдь, она имѣла противъ себя, какъ и всегда до сихъ поръ, сверхъ другихъ, и лучшій изъ нѣмецкихъ корпусовъ— 20-й. На своихъ мѣнявшихся позиціяхъ этотъ доблестный отрядъ выдержалъ и разбилъ за славные дни пятьдесятъ двѣ атаки.

Нѣмцы отступаютъ съ боемъ. Ихъ заслоны умираютъ на своихъ позиціяхъ. Невозможное совершено опять. Нѣтъ возможности собрать ихъ трупы. Они загромождаютъ дороги, поля, траншеи. Говорятъ, отчаяніе царитъ въ желѣзныхъ еще нѣсколько дней назадъ дружинахъ германскаго императора. Дрогни наша армія,—дорога на Варшаву была бы открыта, и намъ пришлось бы вновь начинать эту войну. Плѣнные говорятъ: «Генералу Гинденбургу лучше

быть убитымъ, чѣмъ явиться къ кайзеру».

13 ноября, подъ прикрытіемъ сильнѣйшаго артиллерійскаго огня, началось по всему юго-восточному фронту спѣшное отступленіе разбитыхъ нѣмецкихъ корпусовъ, кромѣ резервнаго.

Всю ночь на четырнадцатое и четырнадцатаго—сплошной ревъ нашихъ орудій. Въ немъ—неодолимое, грозное, стихійное. Въ мутныхъ сумеркахъ чудится: все небо опоясываютъ стальные бичи. Мы въ свою очередь огненной дугой охватили нѣмцевъ въ направленіи на востокъ отъ Лодзи. Въ низко нависшихъ тучахъ—мгновенные отблески. Ближе—пламенныя вспышки русскихъ батарей. Въ этомъ поединкѣ кажется, все прижалось къ землѣ, притаилось. Безлюдны деревни. Ни свѣта, ни движенія въ ихъ неопредѣленныхъ очеркахъ.

Ближе къ намъ, на ихъ позиціяхъ—войска, отступившія изъ-подъ Брезинъ. Еще вчера, сидя въ окопахъ, они прибѣгали къ обману. Не трогаясь изъ сырыхъ, холодныхъ ямъ, они вдругъ начинали кричать «ура», точно идя въ атаку. Наши, привыкшіе такіе удары

встрѣчать штыками, бросились впередъ. Это удалось имъ дважды. Въ третій разъ, дѣйствительно вышедшую на насъ гвардейскую часть, мы подпустили близко и уложили почти всю ружейнымъ огнемъ. Назадъ, въ опустѣвшіе окопы, такихъ вернулось мало. Изъ резервовъ поэтому подъ нашими артиллерійскими ударами долго перебѣгали сюда роты противника... До утра не было и минуты затишья. Германцы нервничаютъ въ темнотѣ. Они пуще всего опасаются нашего нападенія въ это время. Практика ночныхъ атакъ отлично усвоена нами. Уроки Японской войны въ этомъ отношеніи не пропали даромъ. Вообще, если за нѣмцами остаются большія преимущества организаціи, оборудованія тыла, то въ умѣніи пользоваться условіями мѣстности мы имъ равны, а въ отвагѣ, вдохновенной неожиданности, порывѣ, личной находчивости оставляемъ ихъ далеко за собою.

Ничего нельзя было представить ужаснѣе тучи отступленія охваченныхъ нами съ востока нѣмецкихъ корпусовъ, отступавшихъ на Брезины.

Тысячи убитыхъ нѣмецкихъ коней поодиночкѣ и чуть ли не табунами. Сцены смерти и истребленія сопровождали такіе подвиги, о которыхъ уже никому не разскажутъ навѣкъ сомкнувшіяся уста. Десятки мертвецовъ изъ рвовъ и окоповъ, точно до сихъ поръ, цѣпляясь за мерзлую землю, пытаются выползти на дорогу. Сотни ихъ, опрокинутыя навзничъ, опушенныя инеемъ, валяются по всему этому простору. Здѣсь защищались нѣмцы, и защищались до послѣдняго человѣка. Уйти или не хотѣли, или не могли. Штыковой бой былъ безпощаденъ. Кругомъ сломанные наши и согнутые нѣмецкіе штыки, отлетѣвшіе отъ ударовъ приклады, раздробленныя ружья.

Здѣсь больше чѣмъ гдѣ-нибудь обнаружился величайшій вредъ, который приносятъ намъ нѣмецкіе колонисты. вся наша армія просочена ихъ шпіонажемъ. Они наводятъ германцевъ на наши отдыхающія части, предательски завлекаютъ ихъ въ западни. Служатъ непріятелю укрывателями, проводниками, сигнализируютъ ему разноцвѣтными флажками и огнями, движеніемъ мельницъ,

пожарами одинокихъ домовъ, факелами, доставляютъ ему всевозможные съѣстные припасы и фуражъ, отказывая намъ въ этомъ. То и дѣло ловятъ ихъ женщинъ, разносящихъ «агентамъ» нѣмецкія деньги и векселя на рубли, по которымъ должна производиться ежемѣсячная уплата. Для нѣмецкихъ колонистовъ, разбогатѣвшихъ у насъ, это— «служба отечеству». Надо отдать имъ справедливость: они не боятся на ней смерти. Когда уличенныхъ шпіоновъ-нѣмцевъ вѣшаютъ, тѣ спокойно говорятъ: «Это ничего не значитъ; нашихъ много, и всѣхъ вы не переловите». Молодежь ихъ бѣжитъ въ германскіе отряды и тамъ, при встрѣчахъ съ русскими, обманываетъ нашихъ русской командой. Переодѣвается русскими солдатами. Вредъ отъ этихъ колоній не поддается учету.

Лодзинская битва кончилась.

Нѣмцы понесли коллосальныя потери убитыми и ранеными.

Цѣлые корпуса выбыли почти цѣликомъ изъ строя и перестали существовать.

Намъ достались 23 орудія, болѣе 20,000 плѣнныхъ, муниціонная колонна изъ 42-хъ зарядныхъ ящиковъ и обозы цѣлыхъ частей. Поля сраженій нигдѣ не имѣли такого ужаснаго вида, какой представлялъ путь отступленія германцевъ къ Стрыкову. Груды тѣлъ возвышались на полтора аршина. Брезинскіе лѣса завалены тѣлами убитыхъ.

Такъ закончился стремительный, стихійный натискъ германцевъ, разбившійся о стойкость и храбрость доблестныхъ нашихъ войскъ въ тотъ самый моментъ, когда, казалось, было близко осуществленіе всесильнаго «неожиданнаго» ихъ маневра. Побѣда было вырвана изъ рукъ врага.

Значеніе Лодзинскаго сраженія.

Спустя недѣлю послѣ фактическаго окончанія лодзинскаго сраженія, Лодзь былъ безъ боя оставленъ нашими войсками. Мы отдали Лодзь добровольно потому, что намъ не выгодно было долѣе держать ее. Соображеніе высшаго командованія заставляли выпрямить фронтъ расположенія нашихъ войскъ.

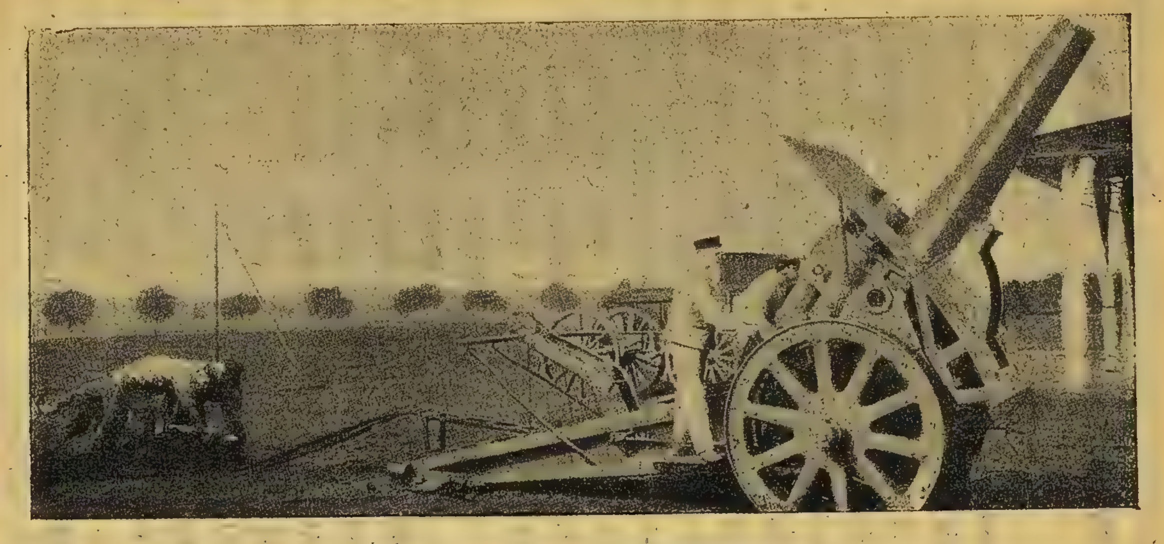
На первый взглядъ казалось бы, слѣдовательно, что лодзинское сраженіе кончилось въ ничью. Но этотъ взглядъ совершенно не вѣренъ и вотъ почему:

Задачи германскаго наступленія состояли въ томъ, чтобы ударомъ по направленію къ Варшавѣ удержать наступленіе нашихъ войскъ къ Кракову. Для нѣмцевъ Краковъ имѣетъ громадное значеніе. Со взятіемъ его русскія войска врываются въ Моравію и Силезію въ обходъ нѣмецкой оборонительной линіи по границѣ Польши, и въ обходъ нѣмецкихъ крѣпостей Бреславля и Познани. Ворвавшись въ Моравію и Силезію, наши войска угрожаютъ единовременно и Вѣнѣ и Берлину. Здѣсь именно будетъ начало конца великой войны.

Нѣмцамъ это совершенно не удалось. Ихъ могучій потокъ былъ остановленъ на линіи Иловъ,—Ловичъ, Лодзь, Петроковъ, далеко не докатившись до Варшавы.

Наше наступленіе на Краковъ не было задержано, можно сказать, ни на одинъ день.

Итакъ, кровавый Вильгельмъ ошибся въ своихъ расчетахъ еще лишній разъ.

Нѣмецкая тяжелая артиллерія.

Первый бой русскихъ бронированныхъ пулеметныхъ автомобилей подъ Лодзью.

Съ самаго начала войны австрійцы и, особенно, нѣмцы пугали наши войска своими пулеметами на автомобиляхъ. Идетъ русская конница, или разсыпалась цѣпь, — вдругъ изъ земляного возвышенія выскакиваетъ автомобиль. Летитъ онъ прямо въ лобъ или вдоль фронта и осыпаетъ наши силы дождемъ пуль. Наша пѣхота немедленно ложится, начинаетъ пальбу по автомобилю, но его уже и слѣдъ простылъ. А въ цѣпи тамъ и здѣсь убитые и раненые.

Долго у насъ не было такихъ же средствъ борьбы. И вотъ только 21 ноября, къ югу отъ Лодзи, по шоссе Пабіаницы—Ласкъ, первый разъ выступили наши бронированные автомобили и сдѣлали блестящее дѣло.

20 ноября было получено извѣстіе, что конница нѣмцевъ выступила на шоссе отъ Пабіаницы на Ласкъ. Было приказано выступить двумъ взводамъ пулеметныхъ автомобилей съ скорострѣльной пушкой, дѣлающей 300 вы-

стрѣловъ въ минуту и атаковать эти колонны. Командованіе было поручено штабсъ-капитану Гурдову, и отрядъ немедленно выступилъ. Нашъ батальонъ, сдерживавшій наступленіе непріятеля, долженъ былъ отступить подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля. Какъ разъ въ этотъ моментъ отрядъ автомобилей пришелъ на мѣсто боя.

На шоссе въ виду непріятеля остался одинъ Гурдовъ со своими двумя бронированными автомобилями. Приходилось держаться до семи утра, когда его обогнали наши. Офицеры съ шашками наголо быстро вели своихъ впередъ, крича ему:

— Нѣмцы атакуютъ по шоссе.

Въ глухіе удары артиллерейскаго огня ворвалась трескотня ружей. По обоимъ шоссе работали ихъ батареи; между ними все заливала свинцомъ пѣхота. Этотъ уголъ, казалось, поражался по всей своей площади. Уже много было убитыхъ и раненыхъ. Съ каждою минутой стремительность нѣмецкаго наступленія усиливалась. Наши тоже спѣшно шли въ контръ-атаку, торопясь живою силой положить конецъ этому натиску

превосходившаго своею численностью врага.

— Скорѣе пулеметы впередъ!

Гурдовъ кинулся по шоссе. Съ одной стороны его былъ, казавшійся безлюднымъ, лѣсъ, но когда онъ поровнялся съ деревьями, оттуда въ упоръ грянули выстрѣлы. Въ чащѣ засѣли нѣмецкіе стрѣлки, прикрываясь стволами. Еще ночью они заняли эту закрытую позицію и теперь въ полной мѣрѣ воспользовались ею. Останавливаться и соображать было некогда. Пули ураганомъ неслись справа точно тысячи молотковъ стучались въ стальныя брони автомобилей. Мало этого. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ замѣтившая ихъ издали батарея бросила на эти черепа очереди за очередями шрапнелей. Било сбоку, поражало сверху, а въ упоръ работали ружья наступающей нѣмецкой пѣхоты. Болѣе ужаснаго положенія нельзя было себѣ представить. Передъ автомобилями и въ лѣсу ложились десятки точно подкошенныхъ нѣмцевъ. Пулеметы, точно желѣзными метлами, сметали ихъ прочь, но на мѣста убитыхъ и раненыхъ являлись другіе. Какъ

вдругъ одинъ изъ автомобилей поворачиваетъ назадъ.

— Куда?—кричитъ своему шофферу Гурдовъ.

— Назадъ, въ деревню. Я раненъ шрапнелями три раза. Если останусь,— автомобиль пропадетъ. Черезъ нѣсколько минутъ истеку кровью, нехватитъ силы вести его.

Гурдовъ вернулся.

За нимъ послѣдовалъ второй, съ его фельдфебелемъ.

Гурдовъ, уже раненый самъ въ шею, пересѣлъ на новый автомобиль, а на мѣсто раненаго шоффера посадилъ фельдфебеля и приказалъ ему нагнать его у лѣса.

Опять начался бой пулеметныхъ автомобилей съ отовсюду насѣдающимъ непріятелемъ. Опять наши орудія здѣсь начали,—иначе назвать, какъ истребленіе, нельзя. Нѣмцы падали и впереди, и въ лѣсу. Гурдовъ слѣдилъ только за однимъ,—чтобы обстрѣлъ не прекращался ни на минуту.

Автомобили блестяще сдѣлали свое дѣло. Непріятельскій огонь сталъ сти-

хать. Съ переднихъ окоповъ нѣмцы отхлынули.

Въ девятомъ часу огонь его сталъ гаснуть въ лѣсу. Впереди нѣмцы отхлынули. Весь путь ихъ былъ устланъ трупами. Враги едва успѣвали подхватывать своихъ раненыхъ...

...Встрѣтили командира полка.

Тотъ перевязалъ Гурдова индивидуальнымъ пакетомъ. Едва одолѣвая боль, Гурдовъ перебѣжалъ къ скорострѣльному орудію на платформѣ и съ перекрестка выкатилъ его въ ту же деревню.

— Возьмите по шоссе... Тамъ непріятельскіе пулеметы. Они намъ наносятъ страшный уронъ.

Гурдовъ покатилъ туда.

Скорострѣлка показала себя великолѣпно. Впереди лѣсокъ. Въ немъ засады. Ихъ всѣ уложили. За ними Гурдовъ видитъ ложбинку впереди. За нею пулеметы, а по ложбинкѣ перебѣгаютъ люди, занимая окопы къ сѣверу, на Ласкъ... Гурдовъ мгновенно сообразилъ положеніе дѣла и сейчасъ же открылъ безпощадный огонь и по ложбинѣ, и по окопамъ.

Прибѣгаетъ унтеръ-офицеръ наблюдательнаго поста.

— Ваши снаряды ложатся отлично. Непріятель частью выбить изъ ложбинки и окоповъ. Группируется у кирпичнаго завода вправо у шоссе.

Въ это время подъѣхалъ взводъ автомобилей капитана Шульневича.

Онъ заработалъ по ложбинкѣ и окопамъ, а Гурдовъ—по кирпичному заводу.

Опять съ наблюдательнаго поста:

— Нѣмцы съ завода выбиты... Бѣгутъ налѣво въ деревню.

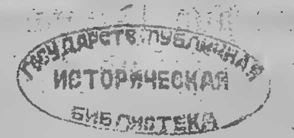
И въ самомъ дѣлѣ, туда—черныя фигуры и стремглавъ всадники... Должно-быть, артиллерійскій паркъ, какъ видно было послѣ. Ихъ пулеметы были сбиты и замолчали. Оттуда направлялась сюда только ружейная стрѣльба. Гурдовъ началъ бить указанную деревню, и вдругъ на всю окрестность—оглушительный взрывъ... Разнесся далеко-далеко, и вскинулась громадная туча, изъ-за которой тѣ же всадники разсыпались во всѣ стороны. Туча разсѣялась,—загорѣлась деревня.

Непріятель смолкъ.

Къ этому времени показались наш
батареи и начали обстрѣлъ деревни
завода и подозрительныхъ далей... Гур
довъ уже могъ вернуться. Отъѣхалъ.

Полковникъ навстрѣчу:

— Спасибо вамъ. Бой конченъ, не
пріятель выгнанъ отовсюду...

Книгоиздательство Т-ва И. Д. СЫТИНА.

КАКЪ НАЧАЛАСЬ ВОЙНА.

ЗА ЧТО ВОЮЕТЪ РОССІЯ.

БЕЗПОКОЙНАЯ ИМПЕРІЯ. Краткій очеркъ исторіи Германской имперіи.

БРОНИРОВАННЫЙ КУЛАКЪ—ВИЛЬГЕЛЬМЪ II.

ОСТАТКИ ПРЕЖНЯГО ВЕЛИЧІЯ. Историч. очеркъ Турецкой имперіи.

НАШИ БРАТЬЯ СЛАВЯНЕ.

ХРАБРАЯ БЕЛЬГІЯ. Разсказъ о Бельгіи и бельгійцахъ.

НАША ВѢРНАЯ СОЮЗНИЦА ФРАНЦІЯ. Разсказъ о Франціи и французахъ.

ВЕЛИКАЯ МОРСКАЯ ДЕРЖАВА. Разсказъ объ Англіи и англичанахъ.

НАШИ КАЗАКИ. Разсказъ о казакахъ и казачьемъ войскѣ.

МУЖЕСТВЕННАЯ БОРЬБА БЕЛЬГІИ СЪ ВѢРОЛОМСТВОМЪ ГЕРМАНІИ.

РОССІЯ БОРЕТСЯ ЗА ПРАВДУ.

ПОРАЖЕНІЕ НѢМЕЦКОЙ АРМІИ ПРИ ГУМБИНЕНѢ.

РАЗГРОМЪ АВСТРІЙСКОЙ АРМІИ И ВЗЯТІЕ ЛЬВОВА ВЪ ГАЛИЦІИ.

БѢЛЫЙ ГЕНЕРАЛЪ. Его геройскіе подвиги и завѣты для офицеровъ и солдатъ.

РАЗСКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВЪ О ВОЙНѢ. Кн. 1-я.

ТО ЖЕ. Книга 2-я.

НАШИ ГЕРОИ.

МОРСКІЯ ПОТЕРИ НѢМЦЕВЪ.

НА ПЕРЕДОВЫХЪ ПОЗИЦІЯХЪ.

ЗАНЯТІЕ ГАЛИЦІИ И ПОЛНЫЙ РАЗГРОМЪ АВСТРІЙСКОЙ АРМІИ.

ВЪ БЕРЛИНЪ! Что предсказалъ Скобелевъ о войнѣ съ нѣмцами.

ВЪ БОЕВОМЪ ОГНѢ.

БИТВА НА РѢКѢ НѢМАНѢ И РАЗГРОМЪ НѢМЕЦКОЙ АРМІИ ГЕН. ГИНДЕНБУРГА.

БОЙ ПОДЪ ВАРШАВОЙ.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ СУВОРОВЪ.

БОЙ ЗА ВИСЛОЙ.

ЛОДЗИНСКАЯ БИТВА.

